

Фауст

Иоганн
Вольфганг
Гёте

Москва

УДК 821.112-2
ББК 84(4Гем)-6
Г44

Johann Wolfgang von Goethe

FAUST

Перевод с немецкого *Бориса Пастернака*

Художественное оформление переплета
Натальи Каитыкиной

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44 Фауст / Иоганн Вольфганг Гёте ; [перевод с немецкого Б. Л. Пастернака]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Эlegantная классика. Темная любовь).

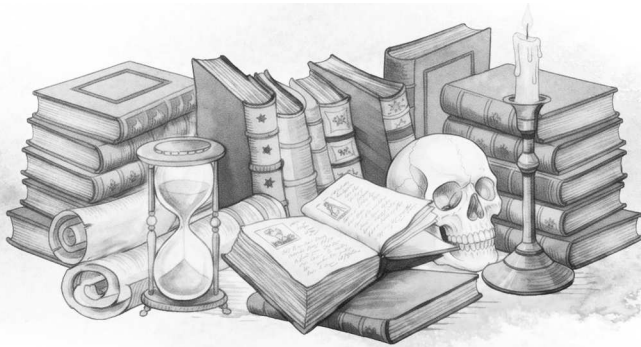
ISBN 978-5-04-226183-1

Легенда об ученом Иоганне Фаустусе, продавшем Мефистофелю душу в обмен на его обещание открыть секреты мироздания, показать бездны ада и рая, обогатить новым знанием, давно волновала людское воображение. Так доктор Фауст, которому щедро приписывались всевозможные чудеса, стал героем немецкого народа. Великий чернокнижник был персонажем театральных представлений, к его образу обращались многие авторы, но именно под пером Гёте эта история стала одной из подлинных вершин мировой литературы. «Фауст» Гёте задает загадки, и уже не одно поколение читателей пытается их разгадать.

УДК 821.112-2
ББК 84(4Гем)-6

© Пастернак Б., перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226183-1

Посвящение

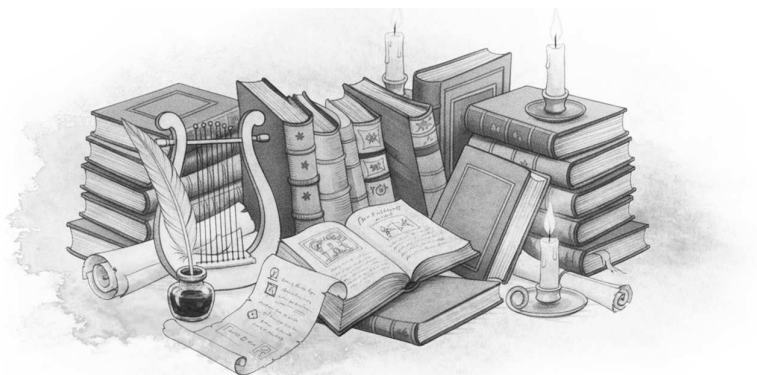
Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.

Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный,
Опять припоминаю благодарно.

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал.

Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленьи миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

Театральное вступление

Директор театра, поэт
и комический актер.

Директор

Вы оба, среди несчастий всех
Меня дарившие удачей,
Здесь, с труппою моею бродячей,
Какой мне прочтите успех?
Мой зритель в большинстве неименитый,
И нам опора в жизни — большинство.
Столбы помоста врыты, доски сбиты,
И каждый ждет от нас невесть чего.
Все поднимают брови в ожиданье,
Заранее готовя дань признанья.
Я всех их знаю и зажечь берусь,
Но в первый раз объят такой тревогой.
Хотя у них не избалован вкус,
Они прочли неисчислимо много.
Чтоб сразу показать лицом товар,
Новинку надо ввесть в репертуар.

Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,
Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

Поэт

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.
Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

Комический актер

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,
Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласье с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколенья — не безделка,
На улице их не найдешь.

Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубежденья.
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатленье.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображенье, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Директор

А главное, гоните действий ход
Живей, за эпизодом эпизод.
Подробностей побольше в их развитии,
Чтоб завладеть вниманием зевак,
И вы их победили, вы царите,
Вы самый нужный человек, вы маг,
Чтобы хороший сбор доставить пьесе,
Ей требуется сборный и состав.
И всякий, выбрав что-нибудь из смеси,
Уйдет домой, спасибо вам сказав.
Насуйте всякой всячины в кормежку:
Немножко жизни, выдумки немножко,
Вам удастся этот вид рагу.
Толпа и так все превратит в крошку,
Я дать совет вам лучший не могу.

Поэт

Кропанье пошлостей — большое зло.
Вы этого совсем не сознаете.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почете.

Директор

Меня упрек ваш, к счастью, миновал.
В расчете на столярный матерьял
Вы подходящий инструмент берете.

Задумались ли вы в своей работе,
Кому предназначается ваш труд?
Одни со скуки на спектакль идут,
Другие — пообедав до отвала,
А третьи — ощущая сильный зуд
Блеснуть суждением, взятым из журнала.
Как шляются толпой по маскарадам
Из любопытства, на один момент,
К нам ходят дамы щегольнуть нарядом
Без платы за ангажемент.
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь: кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятия ветреной кокетки.
А если так, я не шутя дивлюсь:
К чему без пользы мучить бедных муз?
Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернется, для разнообразья.
Избытком мысли поразить нельзя,
Так удивите недостатком связи.
Но что случилось с вами? Вы в экстазе?

Поэт

Ступай, другого поищи раба!
Но над поэтом власть твоя слаба,
Чтоб он свои священные права
Из-за тебя смешал преступно с грязью.
Чем сердце трогают его слова?
Благодаря ли только громкой фразе?
Созвучный миру строй души его —
Вот этой тайной власти существо.
Когда природа крутит жизни пряжу
И вертится времен веретено,
Ей все равно, идет ли нитка глаже
Или с задоринками волокно.

Кто придает, выравнивая прялку,
Тогда разгон и плавность колесу?
Кто вносит в шум разрозненности жалкой
Аккорда благозвучье и красу?
Кто с бурею сближает чувств смятенье?
Кто грусть роднит с закатом у реки?
Чьей волею цветущее растенье
На любящих роняет лепестки?
Кто подвиги венчает? Кто защита
Богам под сенью олимпийских роц?
Что это? — Человеческая мощь,
В поэте выступившая открыто.

Комический актер

Воспользуйтесь же ей по назначенью.
Займитесь вашим делом вдохновенья
Так, как ведут любовные дела.
Как их ведут? Случайно, спрехвала.
Дружат, вздыхают, дуются, — минута,
Другая, и готовы пути.
Размолвка, объясненье, — повод дан,
Вам отступленья нет, у вас роман.
Представьте нам такую точно драму.
Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины крупницу,
И будет дешев и сердит
Напиток ваш и всех прельстит.
Тогда-то цвет отборной молодежи
Придет смотреть на ваше откровенье
И будет черпать с благодарной дрожью,
Что подойдет ему под настроенье.
Не сможет глаз ничей остаться сух.
Все будут слушать, затаивши дух.

И плакать и смеяться, не замедлив,
Сумеет тот, кто юн и желторот.
Кто вырос — тот угрюм и привередлив,
Кому еще расти — тот все поймет.

Поэт

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди
И вереницей беспрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом.
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукрощенный,
Дни муки и блаженства дни,
Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!

Комический актер

Ах, друг мой, молодость тебе нужна,
Когда ты падаешь в бою, слабея;
Когда спасти не может седина
И вешаются девочки на шею;
Когда на состязанье беговом
Ты должен первым добежать до цели;
Когда на шумном пире молодым
Ты ночь проводишь в танцах и веселье.
Но руку в струны лиры запустить,
С которой неразлучен ты все время,
И не утратить изложения нить
В тобой самим свободно взятой теме,
Как раз тут в пользу зрелые лета,
А изреченье, будто старец хилый

К концу впадает в детство, — клевета,
Но все мы дети до самой могилы.

Директор

Довольно болтовни салонной.
Не нам любезности плести.
Чем зря отвешивать поклоны,
Могли б мы к путному прийти.
Кто ждет в бездействии наитий,
Прождет их до скончанья дней.
В поэзии греметь хотите?
По-свойски расправляйтесь с ней.
Я вам сказал, что нам во благо.
Вы и варите вашу брагу.
Без разговоров за котел!
День проморгали, день прошел, —
Упущенного не вернете.
Ловите на ходу, в работе
Удобный случай за хохол.
Смотрите, на немецкой сцене
Резвятся кто во что горазд.
Скажите — бутафор вам даст
Все нужные приспособленья.
Потребуется верхний свет, —
Вы жгите, сколько вам угодно.
В стихии огненной, и водной,
И прочих недостатка нет.
В дощатом этом балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад.

Пролог на небе

Господь, небесное воинство,
потом Мефистофель. Три архангела.

Рафаил

В пространстве, хором сфер объятom,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.
Дивятся ангелы господни,
Окинув взором весь предел.
Как в первый день, так и сегодня
Безмерна слава божьих дел.

Гавриил

И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг дея.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,

И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

М и х а и л

И бури, все попутно руша
И все обломками покрыв,
То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.

И молния сбегает змеем,
И дали застиляет дым,
Но мы, господь, благоговеем
Пред дивным промыслом твоим.

В с е в т р о е м

Мы, ангелы твои господни,
Окинув взором весь предел,
Поем, как в первый день, сегодня
Хвалу величью божьих дел.

М е ф и с т о ф е л ь

К тебе попал я, боже, на прием,
Чтоб доложить о нашем положенье.
Вот почему я в обществе твоём
И всех, кто состоит тут в услуженье.
Но если б я произносил тирады,
Как ангелов высокопарный лик,
Тебя бы насмешил я до упаду,
Когда бы ты смеяться не отвык.
Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди быются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.

Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полулетя, полускача,
Он свиритит, как саранча.
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дрязги не совал бы носа!

Г о с п о д ь

И это все? Опять ты за свое?
Лишь жалобы да вечное нытье?
Так на земле все для тебя не так?

М е ф и с т о ф е л ь

Да, господи, там беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

Г о с п о д ь

Ты знаешь Фауста?

М е ф и с т о ф е л ь

Он доктор?

Г о с п о д ь

Он мой раб.

М е ф и с т о ф е л ь

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает тоже.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,

И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Г о с п о д ь

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник садит деревцо,
Плод наперед известен садоводу.

М е ф и с т о ф е л ь

Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

Г о с п о д ь

Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет — вынужден блуждать.

М е ф и с т о ф е л ь

Пристрастья не питая к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щеки.
Котам нужна живая мышь,
Их мертвою не соблазнишь.

Г о с п о д ь

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.
Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.